

Борис ПОЗДНЯКОВ

ВЕЧЕРОМ В СУББОТУ

ГЕОРГИНЫ

Почему так бывает? Много хороших и даже счастливых дней пролетают, не оставляя ни малейшего следа в памяти. А иной денек, с утра до вечера напичканный неудачами и бедами, остается в мозгу надолго, колом вбивается в него на всю жизнь! Да хоть бы и неудачи те были из числа самых значимых или неизбывных. А то ведь так себе, ерунда! Никакого приличного сюжета из них не составишь. Мало ли всякого и разного случается с нами – и хорошего, и плохого? Особенно в детстве, когда время скачет козлом, и день равен месяцу, а месяц – году взрослого бытия. Но сколько не напрягайся, чтобы вспомнить – как правило, ничего не получается, скажем, из попыток отыскать в памяти что-то действительно важное и этапное в биографии: например, приход в школу или поступление в институт, первый день работы на заводе (или последний), какой-нибудь юбилей, прошедший без «эксцессов», либо день получения очередной награды. И лишь вот эти давно прошедшие десять часов жизни, сидят в голове, точно всё это было только вчера!

Разочарование в тот день ожидало Саньку уже с утра, когда практически все его друзья: Вовка Коршунов, Галья Дубина, Ленька Сеченов, красиво одетые, в новых блестящих ботинках, с портфельчиками, все – ужасно торжественные и радостные, отправились в школу на линейку. Понятно, в глазах ребятни

их статус резко поднялся: они стали первоклассниками! А он-то – как раз и нет!

Санька бежал за ребятами как собачонка квартала три, до самого магазина. Всё думал, что каким-то чудом исправится ошибка, и он тоже пойдёт на этот праздник жизни. Но не было на нем никаких башмаков, ни новых, ни старых – зачем они летом? А вместо красивой вельветки и брюк – майка, тюбетейка, да короткие ленд-лизовские штаны на лямках. Убогость! И он вернулся. Только не мог никак понять, почему так несправедливо поступили с ним?. За что?

А ни за что. Так получилось.

Ну конечно он помнил, как среди лета они с матерью сделали попытку «записаться в школу». И как из этого ничего не вышло. Строгая тетка за столом, крытым зеленым сукном, сказала, как отрезала: «Рано! Ваш сын родился в ноябре одна тысяча девятьсот сорок пятого года. А мы по инструкции берем в первоклассники тех детей, которые родились до первого сентября указанного года. Не положено. Приходите через год.»

И она как-то брезгливо, точно лягушку, отбросила матери назад его метрики и заявление на тетрадном листочке.

Со стены, с портрета так же строго и даже сердито смотрел на них великий вождь в кепке, с недобро прищуренным взглядом. Дескать, чего припёрлись, Сотниковы, сюда раньше времени? Только занятых людей от работы без толку отрываете!

Поздныков Борис Григорьевич родился в 1945 г. в Барнауле. Окончил в 1969 г. юридический факультет Томского государственного университета. До 2002 г. работал юрисконсультантом на предприятиях Павлодара (Казахстан), а после – Новосибирска. Печатался с 1972 г. в областных и республиканских изданиях. Автор сборников стихов и прозы «Трудные времена», «Слова как слитки золотые», «Поцелуй из Интернета». Публиковался в «Литературной газете», в казахстанских республиканских журналах «Простор» и «Нива», в журналах «Новосибирск» и «Сибирские огни», других изданиях Казахстана и России, в различных сборниках и альманахах. Живёт в Новосибирске. Член Союза писателей России.

И мать растерялась. Ей бы настоять на своём, сказать: ну что там – два месяца не дотянули! Зато сын уже читает и пишет давно и распрекрасно! На той неделе всего «Робинзона Крузо» от корки до корки прочел. И «Родную речь» для первого класса» ему уже купили. То есть вполне годен парень для школы. А она, оробев, сказала: «Ну что ж, мы подождем. Пусть он еще годок дома посидит, больше вырастет».

Санька тогда не очень и расстроился. Думал, всё как-то само собой наладится. Ан – нет! Не получилось.

И вот он сидит за своей избой на огороде в кустах сирени, зареванный и грязный. Перебирает в утешение «драгоценности» – куски разбитых чашек и тарелок с цветочками – такая тогда была «валюта» у ребятни. Вон её сколько за лето набралось! И с простыми цветочками, и с «молочным» наплывом. Только зачем она ему теперь? Когда все друзья в школе, а он здесь, один-одинешенек! Никому не покажешь, никто не позавидует тому, столько он наменял, насобирал; по всем дворам и огородам искал и находил! Ему ещё больше стало жалко себя, и он вновь заревел, как белуга.

– Сань, ты чего это?

Через невысокий забор свешивалась пышнотелая деваха, соседская дочка Сталинка.

– Чего реवेशь, спрашиваю? А, в школу, наверное, не взяла!

Саньке вдруг захотелось схватить ком земли и запустить в эту ослабившуюся физию. Но та, будто угадав его намерение, сказала:

– Ну, ну! Ты постой драться, у меня дело есть. Её угреватая рожа скорчилась в хитрой гримасе:

– Понимаешь, мне ведь тоже в школу идти. В седьмой класс! У нас сбор после обеда. А без цветов – какое первое сентября? Срежь мне, пожалуйста, штук десять ваших георгинов, а? Нет, одиннадцать! Так положено! Нечетное число. Я ж не к покойнику на кладбище иду! Нет, лучше четырнадцать! Музке ведь тоже надо! (Музкою звали её сестру, такую же раскормленную чернокудрую дуреху, как и Сталинка.) – Ей половину и мне половину.

Санька посмотрел на соседский огород – ничего, кроме бесконечной картошки на нем не было. На собственном огороде цветов было много. Он примерился к грядке с георгинами. Получалось, что нужно оборвать чуть ли не половину... А, значит, заметно.

– Ага, а как мамка заругает? Хитренькая какая! Сама вырасти, а потом и рви сколько хочешь!

– Так я же не забесплатно! Я ж на обмен тебе много чего могу дать. Пошли к нам в избу, пока дома никого нет. Будет тебе «сюрприз»! Понятно было, что взрослые члены семейства в эти часы пребывали на работе.

Интересная это была семейка! Во-первых, она отличалась достатком. Во-вторых, была полной, что в те времена считалось огромной редкостью, и конечно – определяло этот

относительный достаток. В ней наличествовал «глава», Петр Иванович, скрюченный маленький человечек, бегавший в какой-то ярко-зеленой шинелишке без погон, но с большущим портфелем. Старухи говорили, что он где-то «служит»:

– Служит, с кобелем дружит!

Но это был «папашка», а на них после войны существовал отчаянный дефицит.

Правда, мужчина это был странный. Частенько, возвращаясь домой с работы, он порою выписывал такие зигзаги и кренделя, что все диву дивились! Останавливался, разговаривая сам с собой, и даже спорил. При этом жестикулировал и гримасничал, не обращая внимания на окружающих, которые, вероятно, вовсе для него не существовали в этот момент. Монологи его совсем не были похожи на изъяснения всех прочих обывателей поселка. Типа:

– Ну, допустим, это-то как раз совершенно не возможно! Абсурд! Процесс в политике должен быть перманентным! Абсолютно всегда! А иначе будут сплошные дивертисменты, вариации и фуэте! Кар-рамболь!

Иногда он, остановившись, вроде бы долго прислушивался к себе и тогда тонюсенько и жалостливо пукал – к большому удовольствию вечно таскавшихся за ним пацанят, ожидавших этого очередного «фуэте», затавив дыхание. Именно они быстро окрестили его «Пёрдом Ваннычем». А жена его, тетя Люся, работавшая буфетчицей при бане, женщина необъятных габаритов, называла его просто: «Вон мой «Девятисмертый» идет!» Однако, когда он бывал трезв, никаких «смертий» и «фуэтэ» не допускалось: как мышь незаметно «Пёрд» проскакивал в свою калитку, и что там творилось у него дома – никто ничего не знал и не ведал. И возможные свары его с женой по поводу пьянства на улицу не выплескивались. Вероятно, габариты супруги того не позволяли. С соседом у Сани был один случай, когда тот напугал его до смерти. В пьяном виде «Перд» однажды шатался по своему огороду и вдруг заговорщицки подозвал его:

– Иди, иди сюда, малец!

Недоумевая, тот подошел к изгороди.

И тут «Девятисмертый» больно цапнул его за руку, а потом, вытаращив глаза, просипел, удерживая:

– Я тебе доверяю, а ты обязан мне помочь! Это речи товарища Троцкого, которого убили враги. Они запрещенные. Ты возьмешь этот сверток, пойдёшь за колодец, выроешь яму и закопаешь его там. Чтоб никто не нашел!

Он отпустил руку. А Санька, заревев, дал от него деру с большим пакетом, который «троцкист» сунул ему насильно за пазуху.

Санька не пошел за колодец, а, спрятавшись в сарае, решил поглядеть, что же такое ему всучили? В конверте лежала книжка о борьбе с клопами и другими домашними насекомыми. Саня порвал её на клочки и бросил в уборную.

Так и не решив ещё вообще что-то отдавать хитрючке, Санька, тем не менее, не зная почему, уже лез к ней через забор, шел в дом – видимо, только из одного любопытства. Как это не странно, он бывал у соседей не так уж и часто. Всегда почему-то так случалось, что тетя Люся, да и все ее великовозрастные детки помногу раз на день забегали в тесный домишко Сотниковых, по-соседски, за разными надобностями. То грибков соленьких попросить. То полбулки белого хлеба поменять на полбулки черного – блажь такая в голову пришла! То просто поболтать, да посплетничать. Но Сотниковы у Литвиновых бывали раз в году и то по большому приглашению. Да и не любил Саня ходить к ним в гости, терпеть не мог все эти бабские нежности, которые наверняка ожидали его там: сюсюканье, тисканья, ерундовые кукольные угощения. От титястых и задастых сестриц, точных копий мамочки, пахло противным женским потом и разведённым водой одеколоном «Кармен», запах, который Санька не выносил. Но сейчас его распирало от любопытства: «сюрприз» – что же такое он получит взамен на цветы?

Просторный дом соседей сиял блеском трюмо, никелированных шישечек на кроватях и кожаного дивана, «коврами» с дамами и кавалерами на клеенке и прочими красивостями. У Сотниковых «обстановка» было значительно скромнее: сундук, табуретки, железные кровати, стол. Правда, чистоты и порядка в комнате девчонок было маловато. Она была какой-то «чумазой». Всюду мусор, грязные стаканы и тарелки на столе, валяющиеся где попало бельё.

«Обменный фонд» оказался не очень обширным. В большой картонной коробке лежало всё богатство девиц: до десятка флаконов из-под одеколона, карандаши, баночки из-под вонючей помады, пуговицы, булавки, обломки гребней, открытки с целующимися парочками в сердечке, да куклы-голыши с оторванными руками и даже головами. Хлам.

– Тогда смотри что-нибудь ещё!

Санька обвел комнату глазами. В проеме дверей на пышной родительской кровати с подвесом виднелась разряженная кукла-невеста. Ну, этого ему не надо. И, понятно, что её и не отдадут. На комод стояли синие слоны и фарфоровые парочки с ярко-красными нацелованными губами. Пыльные бумажные цветы торчали из большой пластмассовой вазы.

Ничего подходящего не было и в помине.

– А, хочешь, я тебе полплиточки шоколада дам?

Такого шоколада в серебряной фольге Санька ещё ни разу в жизни не пробовал. Хотя, конечно, к очередному Новому году ему что-то такое шоколадное в подарках перепадало. Как и большинству ребят. Однако, слотнув слюну, он отрицательно мотнул головой и направился к выходу.

– Стой, ладно! Ну вот еще книжки есть!

Книжки Саня любил, потому двинулся к жидковатой этажерке, где на кружевных салфеточках лежали книги: «Белая береза» Михаила Бубенова, лауреата Сталинской премии, Уголовно-процессуальный кодекс, рваные учебники по алгебре и средним векам, доклад товарища Молотова и подшивки журналов «Огонек». На верху в рамочке стояла фотография: Ленин жестом приглашает Крупскую сесть на кожаный диван. Приглядевшись, Санька с удивлением увидел, что главный вождь страны с женой находятся в той же комнате, что и он сейчас! А диван – тот же диван, на котором он сидит!

– К вам, что, Ленин в гости приходил? – растеряно спросил Санька.

Сталина прыснула в кулак.

– Дурачок! Это ж мамка с папкой мои! Нарядились как Ленин с его женой и сфотографировались на память!

Вспомнив, что дядя Петя действительно поленински лыс, и нос у него картошкой, Санька удовлетворенно хмыкнул и вновь стал рассматривать предлагаемый «товар».

Тут он случайно заметил, что на подоконнике лежит «прачик»! Очень даже завидная вещь! Рогатка потеряная, словно отполированная. Черная прочная резина. Всё сделано основательно и без дураков. Это ж его мечта с раннего младенчества! Когда, глядя на уличных пачанов, он наблюдал за их подвигами – сбиванием воробьев и более крупной дичи с тополей и заборов. У Саньки, глядя на это оружие, даже голова закружилась от зависти.

– Ты что? – провожая взглядом его взгляд, спросила Сталина. – Тебе рогатку надо? Ну, не знаю! Это мамка у Генки Куклина отобрала: он у нас вчера стекло на веранде высидил.

Санька не заметил торжествующего взгляда соседки: цветы – это вещь, и вещь, очень нужная! По крайней мере – сегодня! А рогатка, что? Тьфу! Тем более не своя. Пусть забирает!

– Ну ладно уж, бери!

Счастливым до невероятности, Санька схватил драгоценный «товар» и тут же хотел было дать деру, чтобы на свободе опробовать оружие в «боевых условиях», но его застопорила хозяйка:

– Так, значит, договорились? Я восемнадцать штук беру!

Санька удовлетворительно мотнул головой – ему уже не интересны были георгины! Он шел на настоящее дело: охоту на пернатую дичь!

В четверть секунды он перелетел через забор и с огорода направился во двор, где мирно копались в песке куры, а в ветвях, нависших над стайкой, чирикали непуганые птахи.

«Вжик!» – просвистел камень, но, совершив не мыслимый кульбит, ударил по одной из куриц, блаженно кувавшейся в пыли. Курица закрыла глаза и брыкнулась на спину, задрал вверх ноги. Готова.

А из дому уже бежала бабушка Поля, при-

читая и восклицая: «Ой-ё-ёй! Чо наделал, фулюган! Чо ты натворил, неслух!»

Она подобрала уже неживую курицу и потащила её в дом. «Ой-ё-ёй! Чо мать-то скажет? Самую носку убил! Самую лучшу-ю-у!»

И тут её взор проник через открытую калитку в огород, где «на законных основаниях» хозяйничала Сталина, расправляясь с георгинами. От неожиданности бабуся встала как вкопанная: среди бела дня грабят!

– Я не сама, мне Саня разрешил! – закричала Сталинка, пятясь задом к своему забору. Бабуся, бросив убиенную несущку, схватила хворостину и заметалась между внуком-стрелком и соседкой – цветокрадкой.

– От я вас щас обоих!

Эта погоня за двумя зайцами и спасла «толстомясую»: она в миг перемахнула через забор, рассыпая цветы до самого дома. Саньке повезло меньше – бабка полосонула – таки его по заднице, уже подбежавшего к калитке. Пару кварталов он несся как наскипидаренный заяц, обронив где-то по дороге свой «прачик». Хотя преследовать его никто не собирался.

«Из-за каких-то паршивых георгинов так лупить?» – со слезами на глазах думал Саня, слегка отдышавшись. «И кого? Родного внука! Больно же! Бабка-Кабабка! Вот уйду в лес, сделаю себе там шалаш и буду жить в нем один. Как Робинзон! А питаться стану тем, что наберу в огородах. Огурцами, помидорами, картошкой. Или на сосёнке сплету гнездо, как у орлов, чтобы никто не добрался и не поймал. Они будут искать меня – и не найдут. А я стану сверху на них смотреть и громко смеяться. Про себя, чтобы не услышали. Ха-ха! И ещё раз – ха! Чихать я хотел на ваши георгины, курей, и на всех вас! И без вас прожизву распрекрасно, милые родственники!»

Так и брел он без цели. Мимо «кина», где перед входом стоял на страже усатый вождь, сделанный из цемента. На той неделе они с матерью и дядей Гошей смотрели здесь картину: «Незабываемый 1919 год» – о гражданской войне и подвигах Красной Армии.

По ту сторону улицы – школа, где он будет учиться со следующего года.

А вот – магазин. Здесь он всю жизнь по заданию матери покупал хлеб, постное масло, вермишель и селедку. Деревянное щелястое крылечко. Говорят, туда, между досок, часто проваливаются копейки. А Витька Мазин похвастался, что однажды нашел под этим крыльцом «зелененькую» – целых три рубля! Наверное, у какой-нибудь раззявы ветром выдуло из рук, а под крыльцо задуло. Вместе с мусором! Может, и ему посмотреть? Вдруг повезет, и он отыщет клад? Денежки сейчас ему бы очень пригодились!

Санька подошел с незакрытого полностью торца крылечка и влез под него. Там было сумрачно и пахло навозом: то гнил мусор в небольшой луже из позавчерашнего дождя. Сверху из щелей падали узкие полосы света, в котором кувыркались пылинки. Изредка доски скрипели: это по ступеням спускались

и поднимались покупатели. И тогда ему на голову сыпался песок.

Как заправский кладоискатель Саня с помощью какой-то железки, а то и просто голыми руками принялся за раскопки. Что конкретно искать – он и сам не знал. Что-то денежное. Из округлого и металлического чаще попадались пивные закупорки. Пальцы кололи осколки битых бутылок, щепки, консервные банки и прочая дрянь. Наконец, по прошествии минут десяти, он нащупал нечто круглое и ребристое по краям: монета!

Выйдя на свет, он осторожно огляделся: не видел ли кто его счастья? Но очень редкие в такое пекло прохожие не обращали никакого внимания на пацанёнка, копавшегося в пыли у магазина. Рассмотрел добытое – разочарование было полнее: он нашел двугривенный, но не с бочкообразным советским гербом с колосьями, а с двуглавым царским орлом! Головы показывали Саньке свои острые языки – дразнились!. И он быстро уяснил, что на эту монетку ничего не купишь. Рассердившись, Санька изо всей силы запустил её куда-то в пространство через чужой забор. Но «раскопки» свои уже не возобновил, так как из-за неудобного положения под крыльцом руки и ноги у него затекли и плохо сгибались. Пришлось бросить свою затею, не солоно хлебавши. Однако за «время надежд» он так растравил себя картинками того, что он купит за найденные деньги, что почувствовал явный голод. Пришлось расстаться с хранимым уже целую неделю рублём, утаённым от матери из сдачи после покупки свиного жира и крупы.

И он, как был с грязными «ручищами», ринулся к киоску на углу, где вежливо попросил продавщицу в кружевной короне отвесить ему кофейных подушечек на его желтенький рубль. К его удивлению та не стала кричать, что денег мало. Видно потому, что покупателей в такую жару у неё не было вовсе. И дала ему кулечек из коричневой бумаги, в котором он обнаружил аж десять штук прекрасных конфет! Настроение у Саньки немедленно поднялось. И он потопал дальше, спрятав конфеты в накладной карман штанов.

Так и дошагал он до опушки того самого бора, в котором предполагал поселиться на сосне. Но сосны здесь оказались очень высокими, и добраться до их крон было не возможно. Улица кончилась, вдоль дороги пошли в ряд базы, конторы, туберкулезные санатории, пионерлагеря и садоводства (бывшие дачи купцов и прочих богатеев). После вовсе пропали всякие постройки, и только провода на кривоватых столбах вдоль просеки напоминали о том, что где-то невдалеке живут люди. Да ещё приглушенная из-за расстояния музыка и веселый невнятный говор со стороны – уличное радио.

Тащиться в глушь ему расхотелось. И он повернул на музыку. Выйдя из бору в другом месте, он понял, что зашел в него не так уж и далеко. Впереди виднелись дома и знако-

мая пожарная часть за зеленым забором. Ставили её когда-то на возвышении, чтобы был обзор. Потому и каланча для наблюдения за пожарами торчала на краю обрыва, под которым текла река. А за речкою в низине разворачивалась панорама города, его центральной части: улицы, мосты, бульвары, четырехэтажный «небоскрёб», церковь с синими куполами – и дальше шла бесконечная бугорчатая серо-бурая поверхность, состоявшая из кровель множества домов и домишек, безликих непонятных построек, песка на улицах и пыльных тополей. Точь-в-точь как шкура крокодила, которого Санька видел весной в приезжавшем в город зверинце.

На покосившейся «башне», где, видать, уже давно не положен был бравый наблюдатель за возгораниями, висел алюминиевый рэструб, исторгавший бурное веселье и развлекавший невесть кого, так как из-за несносной жары всё живое давно попряталось подальше в тень. Солнце стояло высоко в небе и по-июльски накаляло землю, хотя по календарю был уже первый день сентября. И тут Саня впервые почувствовал, как сильно он устал, столько времени болтаясь по поселку. Он сел на лавочку в тенечке у забора и стал помаленьку облизывать и обсасывать одну из конфет, снимая с неё порошок. Но время было послеобеденное, и из экономии ничего не вышло: все конфеты в кратчайший срок были схрумканы до одной!

– Дорогие товарищи радиослушатели! – неожиданно «провещало» радио с каланчи после небольшого перерыва. – В рубрике «Современная симфоническая музыка» мы передаем финал «Седьмой симфонии» Сергея Прокофьева, сочинение номер 131. Исполняет Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио, дирижер Самуил Самосуд.

«Симфония – это плохо, – подумал сквозь дрёму Саня. – Это, как сказал дядя Гоша, когда пилят на скрипочках и как попало тарабанят на пианинах».

Но в эту минуту такая невыразимая сладкая истома объяла его голову и грудь! И всё вливалась и вливалась в него широким потоком. И уже не было ей в нём места. И он тонул – и не чувствовал, что тонет, и совсем не страшился того, что может утонуть. Но тут всё неожиданно кончилось. А он ощутил вдруг холод и понял, что с севера надвигается стена чего-то страшного и неотвратимого. Задули, завывали, замели ветры-поземки. Заревели великаны. Не то громы, не то пушки прогрохотали неподалеку. Вот-вот вся эта толпа нагрывает сюда, раздавит Саню, и все, что его окружает. И вновь – стоп! Всё пропало бесследно. Яркий, торжественный свет полился с небес, добрый и ласковый. Он как пелена окутал Саню, и голос сверху скрипкою напел ему: «Будь счастлив, пацан! Ра-

сти, живи и вбирай в себя всё хорошее, что дает тебе жизнь!» Яркие краски бабочек и цветов запестрели вокруг, воздух наполнился свежими, живительными, пьянящими запахами луговых и садовых растений. Тысячи птичьих голосов пели от радости, счастье и удаче.

Вновь приближение холодных, клубящихся туч – чудовищ. Они уже близко! – Но их прогоняет вот это: «Дзюнь-дзюнь-дон! Дзюнь-дзюнь-дон! Дзюнь!»

Саня вспомнил вдруг, как ранней весной после трехмесячной скарлатины его впервые выпустили во двор, укутанного, слабого ещё, едва держащегося на ногах. Ярко светило солнце, чирикали воробьи. Сугробы почернели и просели, из-под них под горку живились ручейки; первые мокрые проталины выглядывали из льдистых ажурных рамок. Вдруг пробежало облачко, второе. Черная лохматая туча закрыла солнце. Сразу же подул низовой ветер, закручивая в вихри остатки снежной пыли у высокого заплота. Две минуты – и снова зима! Но тут, как будто кто-то неописуемо сильный, властно и решительно смахнул со светила всю эту серую нечисть, и оно заблестало ещё мощнее. И всё под его лучами стало ещё краше, засверкало миллионами бриллиантов в каждой грани снежинок, отразилось в каждой лужице и в каждом оконном стекле. Стало невыразимо радостно и хорошо. И тут вдруг снова прозвучало: «Дзюнь-дзюнь-дон. Дзюнь-дзюнь!» Это ж капель с сосулук! Все-таки конец зиме! Падают капли вниз, в лужицы: «Дзюнь-дзюнь-дон! Ну что ты надулся, парень? Что копишь обиду? Много ещё в твоей жизни будет всякой дряни! Но ты всё равно радуйся ей, солнышку, свету и теплу! Дзюнь-дзюнь-дон! Дзюнь-дзюнь-дон! Дзюнь!» Да нет же! Это уже не капель! Это желтенькая птичка такая – кузик (или её ещё синичкой называют) цвенькает, сидя на карнизе дома! «Дзюнь! Дзюнь! Дзюнь!» Какая же она добрая – эта птичка!

Давно уже закончилась музыка. Саня раскрыл глаза. Солнце склонилось за верхушки крайних сосен. От каланчи вытянулась длинная корявая тень. Город за рекой был завешан синеватой дымкой. Радио болтало о проведении косовицы на полях Алтая. И слушать это было совсем не интересно: кто его знает, что это такое – косовица?

Саня почувствовал себя отдохнувшим и успокоенным. Что за глупости он придумал себе с утра? Гнездо на дереве! Что он – сорока?

В припрыжку Санька коротким путем побегал домой, резонно полагая, что его уже ищут.

Ступни ног проваливались в мягкую дорожную пыль и слегка охлаждались от соприкосновения с нею. Вот и квартал, в котором он живет. Створки окон большинства домов, что «в улицу», распахнуты настежь в виду жары.

И соседки на лавочках лужагут подсолнухи. На другом конце ребячьи играет в «кругозайца».

– Эй, Санька! А тебя мать уже второй час ищет повсюду с ремнем!

Это Сталинка кричит из-за гераней, увидев его из окна своей «чумазой» комнаты. Тетя Люся ничего не говорит, провожая его взглядом, и только сплевывает шелуху. И в щели их ворот мелькает вечно испуганная фигура папашки «Пёрда».

Напротив из окон Сеченовых вдруг заорал патефон голосом певца Бернеса:

– Ех, помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела...

Конечно, есть! Санька машет рукой, откидывает крючок калитки и перешагивает через высокий порог во двор своего дома.

Вечером в субботу

С утра ещё было солнечно и тихо. Хотя и довольно прохладно. Низкие тучи выстилали даль, спрятав за грязными клубами тёмный бор на круче. А к обеду, подгоняемый порывами ветра, туман клубился уже ближе к посёлку, солнце пропало, небо стало серым и слезливым. Пахнуло влагой, прелью, картофельной ботвой и полынью с убранного огорода. И ещё не за вечерело толком, а стало сумрачно и тоскливо. Закапали кусты сирени возле калитки, расплылась тропинка от сарая до крыльца. Продрогший Серёга в наскоро наброшенном на плечи ватнике ускоряет шаг. Крыльцо, сенки, дверь в дом. Ведро с углем передано матери. Десяток минут – и печь наконец-то разогрелась! Сквозь щель над дверцей видно, как огонь пожирает черные комки. В избе становится тепло и умиротворенно. Светит лампочка на подвешанном проводе. Мурлычет котьяра под рукой. Мать ставит кастрюлю на открытую конфорку плиты, через считанные секунды вода в ней бурлит ключом. Хорошо! Скоро ужинать.

А за окном – снежный десант! Крупные хлопья, чуть ли не в шапку размером, падают на мокрую землю и тают. Другие, кому повезло больше, планируют на крышу сарая и стайки, на столбики калитки и даже на электрические провода! И остаются целыми. Снежные полосы режут окна по диагонали, снег валит всё гуще, будто дом поместили в распоротую пуховую перину. И вот замечаешь, что окна сплошь белы: это земля на дворе целиком, без проплешин выстлана снежным пухом. Будто внезапно явившаяся зима решила враз загладить все просчёты и огрехи своей предшественницы – поздней осени: спрятать неубранную прелюю листву, грязь, лужи и всяческий мусор, покрыв всё это ска-

тертью чистойшей белизны – для пиршеств своих в морозные вьюжные месяцы.

Пришла из школы сестра Валентина. Она учится во вторую смену. Ей – десять. И, в отличие от Серёги, она – отличница.

– Мам! А я ноги промочила! – гундит сестрица, швыряя носом.

Мать бросается к своей любимице стряхивать снег с пальтишка и снимать мокрые ботинки и чулки.

– А ну, живо под одеяло! Вот тебе чаю стакан. Согреешься.

Мать опять возвращается к столу. Сегодня в честь наступающего выходного дня решила она побаловать семью жареными пирогами – с картошкой и требухой «С «осердием», как она говорит, или как подтрунивает отец: «Ну да, с усердием!»

Горка горячих пирожков на тарелке растёт, шипит и плюётся жиром сковородка на плите. Младший, Валерка, пытается на глазах у матери стянуть пирожок «для пробы», за что получает по рукам. И громко ревет от обиды. – Жди, когда напеку!

– А я «исть» хочу! Сильно хочу-у-у! – канючит он.

– Ну, забазлал! Уймися, чёмер ты побери! Все ждут – и ты жди! – сердится бабушка Хима. Она, как всегда, сидит у сундука и занята разбором тряпочек для будущего лоскутного одеяла.

– А-а-а!

Всё же пришлось вручить малому половинку пирожка, предварительно подув в середку. Прочие терпеливо ждут своей очереди.

В доме уютно, чисто, тепло. Вещает «брехунчик» со стены, что-то о соцсоревновании на Ворошиловградском паровозостроительном заводе. Потом идут песни в исполнении Сметанкиной и хора имени Пятницкого. Печь раскалилась – не прислониться! Листаются страницы «Мушкетёров»: миледи строит свои козни. Серёга отрывается от «чтива» только, когда зовут к столу.

– Анадьсь вороны кричали как оглашенные – на пургу! Да и то: Покров нынче, – говорит бабушка, ломая свой первый пирожок. У остальных рты давно уже набиты вкуснятиной.

– Анадьсь! – усмехается мать. Она давно уже отвыкла говорить по-деревенски. – Что-то рано в этом году снег выпал. Может, растает ещё.

А старая продолжает:

– Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня, девушку, же...

– Ну, ну! При детях-то!

Съеден последний кусок, запит сладким чаем. Серёга с набитым животом скатывается с табуретки к своим «французам».

– А что, разве в карты сегодня не играем? – задаёт риторический вопрос отец.

– Играем, играем! В «подвеску!» – востор-

женно орёт Сергей. – И Толян обещал прийти, и тётя Шура!

Он надеется на выигрыш: деньги нужны по-зарез, ну а с матери много ли спросишь?

Мать недовольно морщится: гости в таком количестве – это снова грязь, а значит, уборка. Она в карты не играет.

– Да поди-кось в метель никто и не явится?

– Придут! И, гляньте-ка, буран стихает!

Ветер со снегом действительно перестали буйствовать. И, видать, даже подморозило: тёмных проплешин по двору уже нет. Снег лежит ровным слоем и не тает.

Серёга быстро влезает в свои подшитые пимы и фуфайку, нахлобучивает шапку и хватается за дверную ручку.

– Ты далёко ль?

– За Тучковыми! Играть, так играть!

До избы Тучковых пять минут ходу, тем более бега, пусть даже по скользкому снегу.

– Ты что, за мной? – спрашивает тётка Шура, и тут же надевает пальто, повязывает платок на голову. – А я и сама уже к вам собиралась. Сегодня ж у нас день картёжный! Только Надежды дома нет, на смене она.

Запирается на висячий замок изба. Тётка, переваливаясь, спешит за Сергеем и вдруг останавливается на полпути:

– Тьфу ты, леший! Ну и память у меня! Не выключила утюг! И записку дочери оставить следовало: куда я ушла. А то явится в двенадцать, а в доме – никого!

Поплелись обратно. Розетка – пуста! Пока хозяйка искала бумагу и карандаш – время шло. Серёга сгорал от нетерпения, ведь можно было давно начать игру!

Вернувшись домой, Сергей с удивлением обнаруживает, что игра уже началась – полон дом гостей!

– Вы чего это без нас? – обиделся Серёжка.

– А уже комплект, с тётей Шурой будет пятеро, и тебя нам не надо! – издевательским тоном заявляет сестра Валька, сидя на высоком стуле и болтая ногами. И действительно, пока его не было, пришёл Петр – материн двоюродный брат. И Толян с приятелем заскочили, наверняка прямо из техникума.

Сергей чуть не разревелся.

– Ничо! – сказал Петя. – Сыграем, понимаешь, кон, и ты, племяш, подсядешь тоже!

И Серёжке пришлось остаться в незавидной роли зрителя.

Сыграли третью игру.

– Кто сколько взяток взял? – спрашивает Толян, ведущий записи.

– Три!

– Одну!

– Две!

– Одну!

– А я – крест! – с досадой говорит отец, и бросает пяточок штрафа за то, что ни одной взятки не взял. В блюдечке лежит уже копейки пятьдесят.

– Не помногу ли ставим? – видимо, не в пер-

вый раз задаёт вопрос обществу прижимистый Пётр. – Хоть бы по три копейки, а то сразу по пять! Это ж новыми! А по старому, понимаешь, сколько? По старому – полтинник!

Все за столом морщатся на его слова. Пятак коновой и за каждый крест тоже пятак – это не много, в самый раз. Если не будешь рисковать, например, брать «резку» «за кон» – больше рубля за вечер вряд ли проиграешь. Рубль теперь с нового года хоть и деньги, но всё равно не великие: две бутылки пива, или шесть булок чёрного хлеба, или четыре раза в кино сходить на дневной сеанс. Ну и что?

– Хотите анекдот? – спрашивает Толик, воспользовавшись временем, пока отец медленно раздаёт карты, действуя покалеченной на фронте рукой.

И, не получив, естественно, возражения, начинает:

– Идёт Хрущёв по выставке абстракционистов и хохочет до усь... «Это что за уроды – рот на лбу? А у того зачем морда фиолетовая? А тут что за загогулина?» Подходит к последней картине в золочёной раме: – «А это что за ж... с ушами?» Ему отвечает: «Никита Сергеевич, так это же зеркало!»

– Да уж точно! – говорит отец после взрыва хохота. – Круглый, как задница. А помните, в «Кубанских казаках» были Христофоровна и Никаноровна. Так он – третий!

Петро нахмурился. Его жену с дочкой, тоже не из сухоньких, уже давно нарекли Христофоровной и Никаноровной. Зная это, он процедил сквозь зубы: «Дурацкое кино! И кто его спял – тоже дурак и врун! Сняли, понимаешь, глупую сказку про богатство. Люди после войны зубы на полку ложили, за «палочки» надрывались – а у них там кругом жратва возами, балалайки, патефоны, да хомуты на весь экран! Кто и когда такое выдывал наяву? Разве что в Москве... Был я там, вот где магазины действительно полные...»

– А теперь у нас как стало с продуктами? – вмешивается мать из кухни. – За хлебом обыкновенным снова очередь – с вечера надо занимать! А самые прыткие – по головам пытаются в магазин проскочить!

– Пролетел опять с зерном Никита – и целина не помогла!

– Зато деньги новые! Копейки в ход пошли, как при царском режиме!

– Ш-ш! – приложил вдруг палец к губам Петро. – Что-то мы шибко разболтались. Отрежут языки-то! Ну, Валя, прикуп берёшь?

– Не-а!

– Тогда Толику прикуп, а мне резка. Шестую карту сбрасываю. Что у нас козыри? Пики? Ну, поехали!

– Пётр, ты что это даму ваетом бьёшь?

– Ах ты, мешаньки! Спутал! Слепой ведь! Думал, что король! Я ведь толком картинок не разбираю, с грехом пополам вижу не фигуры ихние даже, а только их тень!

За столом весело захмыкали. Петька снова видит «только тень»! В особенности тогда,

когда не сработало какое-то очередное его мошенство!

Года три назад трудился он на стройке. И вот однажды дурачился с бабами-штукатурками, подначивал их всячески. А они возьми, да и брось ему в морду жидкого бетону с мастерка! Попало в глаз – и вмиг ослеп Петюня! Ничего не видит – только тени! Первую группу инвалидности дали! Теперь не работает, дома сидит. Всё на ощупь, а в карты режется! Даже цифры и масти спокойно различает. До поры, когда не станет нужной карты. Но слепому всё простят!

Тётка Шура осталась без взяток. Последнюю надежду, шестёрку козырную, убили тузом.

– Что б тебя! – ругнулась она и полезла в кошелек за пятаком. – Мелочи-то нет! Ну как собиралась играть? Что, может мне теперь колечко на кон ставить? Или в долг кто даст? – Как это, колечко на кон? – спрашивает Серёга.

– А это как братовья твоей бабки Катьки играли при НЭПе. Спустят с себя всё до калсон: и деньги, и шубы, и лавку, и дом, и всё, в чём пришли. Напоследок снимает младший с себя обручальное кольцо, то есть самое заветное! «Ну, последняя ставка! Кто мне поможет? Не бог, так чёрт!»

И, глядишь, взаправду всё отыграет: и дом, и лабаз, и штаны заложенные. Да сверх того ещё нагребёт!

– Ну и упекли их, видать, те же черти! – зло говорит отец. – Так и сгнули где-то под Бодайбо в тридцать седьмом. Один из трёх только и вернулся. И то после войны.

– Это тот, что из тюрьмы в бочке с дерьмом убегал? – спрашивает Толик, видимо, тоже осведомлённый в биографиях двоюродных дедов, никогда им не виденных.

– Ну да, Алистар! Залез в бочку с головой, его и вывезли из тюрьмы! А там – дай бог ноги! Правда, вскоре опять поймали.

– А, говорят, Аристарх у гипнотизёра помощником был, и сам гипнотизировать умел. Чёрную магию даже читал. За ним, рассказывают, стулья гуськом ходили как живые!

– Было и это. Или вот ещё. Раз дурачил он мужиков деревенских у нас на базаре. Я, мол, влезу сейчас в этот столб, в самое ну-тро сверху вниз. Вот, говорит, ноги мои ушли, вот – туловище, вот голова уходит... А тут ещё один мужичёнка на телеге с сеном въезжает на площадь. Не загипнотизированный. И орёт: «Да он же вас дурачит, индюков! И не в столб лезет вовсе, а вниз по столбу!»

Тогда наш дядюшка прыгает со столба и кричит этому правдолюбу:

– Ты что лезешь не в своё дело? Лучше глянь, у тебя ж сено на возу горит!

Тот смотрит, и впрямь горит! Давай слегу развязывать, сено скидывать, да ногами топтать! А народ хохочет: никакого огня и помину нет, а мужик трудится, сено в труху топчет!

– Зато потом, теперь уж лет пять, как прошло, заявляется он как-то ко мне, – продолжает тётка. – Седая борода до пупа, – на-

чётник! И говорит-то всё по-божески, да по-божески. «Грешил, – мол, – племянница, за свою жизнь я много, а теперь, Бог даст, отмолю всё, что накопил. Каюсь, пощусь, введу жизнь святу. Мне уже за восемьдесят, а грехов-от замаливать ещё лет на двадцать хватит! Потому и живу!

«Ха-ха-ха!» – ответствовало застолье. Тётке дали займы. Игра продолжилась.

– У меня сколько оставалось недобранных? – спрашивает внезапно Валька.

– Всего две взятки, – отвечает Толян.

– Ход мой, беру три взятки на козырного туза, конец игре.

Все побросали карты. Валентина сгребла деньги с блюдечка и шмыгнула в соседнюю боковушку считать выигранное.

– Ну даёт мелюзга! – восклицает «коногон» Толик. Остальные тоже запричитали удивлённо. Больше всех были разочарованы Петька, оставшийся с тремя козырями на руках, и тётка Шура, проигравшая в раз аж тридцать копеек!

Началась новая игра. Заняв место сестрёнки, Сергей уже бросил коновой «пятачок» на блюдец, взял розданные карты и... Во входную дверь кто-то заскрёбся. Не ориентируясь в темноте, видно, не сразу нащупали ручку двери, шарили по клеёнке, которой она была обита. Все насторожились. Наконец, дверь открылась. На пороге показалась другая Серёгина тётка – Физа!

От удивления семейные открыли рты: с младшей сестрой отца уже лет десять существовали натянутые отношения из-за давнего скандала по поводу дележа дедовой усадьбы! Общения с тёткой практически не было.

– Здравствуйте всем! – дрожащим голосом проговорила родственница. И безо всяких предисловий стала выкрикивать:

– Господи! Там! На озерке! Пьяный Алексей! Господи! Тонет!

– Как тонет? На озерке?

Все знали, что болото невдалеке (озерко) никогда глубокоим не бывает, и утонуть в нём мудрено!

– Да пьяный же! Тащила домой – не дотащила! Помогите!

Кандидатуры баб, увечного отца и слепого Петьки были исключены сразу. Значит, идут Серёга и Толян (его приятель уже куда-то смылся).

Бежали к озерку рысью. По дороге срывающимся голосом тётка объяснила, что они с мужем возвращались из гостей, где её благоверный назюскался как сапожник, благо сам заведовал сапожной мастерской. Волочка она его квартала три, совсем выдохлась – он ведь тяжёлый как бревно! Дошли до озерка, стали обходить его вокруг. Но тут супруг (откуда силы берутся?) вырывается из её рук и топает прямо на середину болота. Лёд проламывается, и он падает в воду! И помочь некому, народу – ни души!

– Я сперва растерялась, не знала куда бе-

жать, сама поднять его не могу! А потом сообразила: так вы ж тут рядом живёте! Ну и сразу к вам!

– Тогда надо жердину какую-нибудь припасти, – резюмировал Толян. – А вдруг там глубина?

Оторвав от первого попавшегося на пути забора длинную доску, он, как богатырь с копьём, бросился к «озерку».

При неясном лунном свете действительно можно было с грехом пополам различить человека, барахтающегося посредине болотины. Но не подо льдом, а над ним! Толик бросил ему своё спасательное средство и, крикнув: «Держись крепче!» потащил его к берегу за другой конец. Серёга помогал по мере возможностей. На другом конце длинной плахи болтался человек, вцепившийся в неё, что есть сил. На нём было приличное пальто, каракулевая шапка, сбившаяся на затылок. И «ехал» он странно, как ледокол: успевший появиться хрупкий ледок с треском ломался под весом его тела, и грязная жижа выступала на поверхность позади. Операция продлилась не более двух минут.

– Что-то быстро мы его вытащили! – озадаченно пробормотал Толян и попытался поднять родственника с четверенек. Пальто на спине у него оказалось сухим! Зато весь перед изгваздан болотной грязью. Однако действительно выпивоха мог утонуть в этой луже, упав лицом в воду!

Толян с Сергеем подняли «утопленника» под руки и зигзагами потащили в горку: намокший родственник весил немало!

Никого не было в этот поздний час на улице, а потому некому было лицезреть дикую картину, как два подростка, что есть силы волокли громадного, грязного и матюгающегося мужика, а сзади семенила его жена, причитая и скуля, размазывая губную помаду по лицу.

Наконец, дошли до дома и Алексея, как мешок с дерьмом скинули на его любимый диван, предоставив супруге самой снимать с него разбухшую от влаги одежду.

– Ой, спасибочки, ребятки, спасибо! Нечем-то мне вас отблагодарить.

Взмокшие и обессиленные «ребятки» переглянулись.

– Да нам и не надо ничего!

– Но вот уж всё, что у меня есть, всё вам отдам!

И она, сколько было у неё в кармане мелкой монеты, высыпала в открытую ладонь Толяна. – «Поделитесь».

По дороге они подсчитали, сколько им перепало. Два рубля семьдесят восемь копеек! Сумма!

– Ну что, поделим? Или, хочешь, в «угадашки» будем играть?

Само собой: предполагается, что выбор-то, в общем за Толяном. Тот на четыре года старше Сергея и силушкой могучей не обделён, а значит может диктовать.

– Ну-ка, что это: гривенник или две копейки?

– Две! – наобум отвечает Серёга. В неверном свете луны жёлтый цвет не различим с серебряным. А монету ему показывали с орла.

– Мимо! А это пятак или полтинник?

Монета в кулаке Толяна зажата так, что кроме верхней части герба с колосьями ничего невозможно разглядеть. И даже толщину монеты определить никак нельзя.

– Полтинник! – кричит Серёга снова наугад, потому как шибко жаждет получить эту большую монету. Толян переворачивает её лицом. Она оказывается стёртым пятаком, давно изъятым из оборота! Ровным счётом не стоящим ничего. На мальчишку посмотрел глаз его судьбы – долгой пустой жизни, о которой он ещё ничего не знает и даже не догадывается! Вся жизнь – стёртый ненужный пятак!

Сергей понимает, что над ним издеваются. Он резко бьёт по чужой ладони. Пятак падает на лёд, подпрыгивает и, звеня, летит в канаву, где и пропадает в снегу безвозвратно.